

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 533-541. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.533
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries

Valery V. Tsys' ^{a,*}, Olga P. Tsys' ^a

^aNizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the methods of struggle between the secular authorities and the Russian Orthodox Church against the remnants of paganism in the Christianization of the indigenous population of the Tobolsk North, their evolution during the XVIII – XIX centuries. It is indicated that in the 1710s – 1760s hard pressure on the newly baptized is used to completely eradicate all manifestations of idolatry. This was facilitated by current legislation and the practice of its enforcement. The following punishments were used to eradicate the remnants of paganism: whipping or whipping; link to Kondinsky monastery; the imposition of penance (to study the prayers, put a certain number of bows in the church every day, etc.). The period of "enlightened absolutism" and the first quarter of the XIX century (1770s – 1822) are characterized by a gradual softening of the state policy towards new converts. The approach to understanding what pagan "vestiges" are has changed. Now it is not "devil worship", but a delusion, a consequence of the ignorance of "aliens". In the future, there is a complete rejection of any form of discrimination and persecution for pagan "superstitions", the desire to influence the "misguided" only by persuasion, and the prevention of violence. By the end of the period under review, only measures of pastoral exhortation remained at the disposal of Orthodox clerks and missionaries. The overall evolution of the policy of the state and the Russian Orthodox Church in the fight against idolatry was to gradually mitigate the practice of law in identifying pagan rituals in the newly baptized. These changes were due to the humanization of Russian society, a more tolerant attitude towards foreign faith.

Keywords: Tobolsk and Siberian diocese, missionary work, Tobolsk North, clergy, paganism, idolatry, newly baptized, indigenous peoples.

1. Введение

Христианизация Тобольского Севера (Север Западной Сибири, в современных границах – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) положила начало глубоким социокультурным сдвигам на территории региона, привела к изменению повседневных практик, антропонимической системы коренного населения, религиозному синкретизму и мн. др.

Помимо крещения «инородцев», привлечения их к исполнению православной обрядности, проповеди христианских догматов, важной задачей миссионеров являлось выявление и искоренение отдельных элементов язычества, прочно укорененных в жизни и быту новообращенных, не допущение их возврата к идолопоклонству.

Изучение особенностей и эволюции методов борьбы православного духовенства и светской власти с «пережитками» язычества на протяжении двух столетий позволяет понять модернизационные и трансформационные процессы, протекавшие в нашей стране в целом, и на ее периферийных территориях в частности.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsysv@rambler.ru (V.V. Tsys')

2. Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено на базе документов Государственного архива в г. Тобольске (ГАТ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), законодательных актов, освещающих формы и методы борьбы государства и Русской православной церкви против языческих «пережитков» среди населения Тобольского Севера.

Основой работы служат принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Автор опирается на модернизационный подход, позволяющий проследить изменения в сфере культуры и быта, повседневной жизни на территории Тобольского Севера в XVIII – XIX вв.

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методы: системный, историко-сравнительный, синхронный, проблемно-исторический. Междисциплинарность представлена в исследовании сочетанием исторического и религиоведческого подходов, что создает условия для более конкретного изучения темы. Первый – дает возможность многоаспектно проследить обусловленность каждого направления деятельности православного духовенства, второй – помогает понять внутренние мотивы людей, способствует более точному анализу взаимодействия Русской православной церкви с другими социально-политическими институтами, прежде всего с государственной властью.

3. Обсуждение

Основы изучения истории христианизации коренных народов Тобольского Севера, борьбы с «пережитками» язычества были заложены в дореволюционный период церковными историками. Преимущественное внимание уделялось самому факту крещения, проведенному «апостолом» Сибири митрополитом Филофеем (Лещинским), а также деятельности миссий XIX века. Так, протоиерей А.И. Сулоцкий утверждал, что упреки «скептиков» в адрес миссионеров в применении принуждения при обращении «инородцев» несправедливы, т.к. при крещении якобы использовались только сила убеждения и евангельская проповедь (Сулоцкий, 2000). Во многом аналогичные выводы делаются современником А.И. Сулоцкого Н.А. Абрамовым, а также П.Н. Буцинским (Абрамов, 1851; Буцинский, 1893). Указывается на «пастырскую заботу» духовенства о новообращенных. Политика светских властей, зачастую препятствовавшая борьбе с языческими «пережитками», подвергается осуждению.

Советская историческая наука крайне тенденциозно подходила к решению многих вопросов, связанных с историей православия, в том числе и к теме христианизации народов Севера Западной Сибири. В частности, А.Г. Базанов в качестве основного метода обращения в новую веру признает насилие. Якобы миссионеры являлись в юрты аборигенов в сопровождении вооруженных казаков, с пушками, от грохота которых дрожала «мать-земля» (Базанов, 1936: 17). О принуждении как основном методе христианизации остяков и вогулов говорится в работе И.И. Огрызко (Огрызко, 1941). В то же время автором подчеркивается, что «христианизация крепила связи между народами Тобольского Севера и централизованным многонациональным русским государством», способствовала борьбе с такими явлениями, как калым и многоженство (Огрызко, 1941: 141). Особое место в раскрытии темы занимают работы Н.А. Миненко, сумевшей показать двойственность, противоречивость политики государства и Русской православной церкви в деле христианизации коренного населения региона (Миненко 1975: 230-282). В целом же для советской историографии, в отличие от дореволюционной, характерно осуждение деятельности «церковников» и определенное оправдание политики светской власти в отношении «инородцев» Тобольского Севера.

С начала 1990-х гг. появляются многочисленные работы по самым различным проблемам истории Русской православной церкви XVIII–XIX вв., в том числе миссионерской деятельности на Севере Западной Сибири. Можно выделить монографию Е.М. Главацкой, где предпринята попытка систематизировать данные о формах и результатах миссионерской работы среди хантов на протяжении XVII–XX вв. (Главацкая, 2005) Автор указывает на наличие существенных сдвигов в методах борьбы с религиозными традициями коренного населения с началом эпохи просвещения (Главацкая, 2005: 255-256). Продолжила свои исследования истории православия на югорской земле Н.А. Миненко (Миненко, 2000). Примеры жестоких наказаний новокрещенных за возврат к идолопоклонству приводятся в статье Е.В. Переваловой (Перевалова, 2000). Особое значение, прежде всего в деле расширения источниковой базы исследования, имеют работы В.Я. Темплинга (Темплинг, 2004; Церкви..., 2007). Автор опубликовал серию документальных сборников, материалы которых отражают различные аспекты истории миссионерства на Тобольском Севере в XIX в. Теоретическое осмысление процесса христианизации региона содержится в статье А.М. Аблажей (Аблажей, 2010).

Однако до настоящего времени комплексного исследования, посвященного борьбе церковных и светских властей с языческими «пережитками» среди коренного населения региона на протяжении XVIII–XIX вв., не создано.

4. Результаты

В петровскую эпоху основной формой христианизации были массовые крещения в том же стиле, в каком это практиковалось во времена равноапостольного князя Владимира (подробнее см.: Абрамов, 1851; Буцинский, 1893; Новицкий, 1941). Чтобы укрепить новообращенных в вере,

предпринимались следующие шаги: 1) выявление и уничтожение идолов и др. объектов поклонения; 2) возведение на месте разоренных капищ православных храмов, которые становились центрами вновь образуемых приходов; 3) полицейский надзор за новокрещеными со стороны светских и духовных властей.

Хотя формально в течение 1710-х – 1720-х гг. большая часть остяков и вогулов Тобольского Севера приняла православие, документы свидетельствуют, что традиционная религия сохраняла прочные позиции в их среде. В первые десятилетия после христианизации принимались весьма жесткие меры по отношению к тем, кто практиковал языческие обряды. Этому способствовало законодательство и практика его правоприменения. По указу от 29 апреля 1722 г. предписывалось «всем православным христианам... иной веры не принимать..., таких отступивших исправлять..., и буде по увещанию исправиться не хотят..., посылать в дальние монастыри, где содержать их до самой их смерти неисходно» (Проекты..., 1882: 71). Тем же, кто совращает в иную веру и будет изобличен и после увещания не раскается и не примет обратно «греко-российскую веру», грозила смертная казнь через сожжение, что устанавливалось разными законодательными актами, в частности указом от 22 февраля 1735 г. и сенатским указом от 23 марта 1750 г. (ПСЗРИ, №6693; ПСЗРИ, №9722), а также проектом Уложения 1754 г. (Проекты..., 1882: 71). За кликушество, «разные суеверия и тому подобное обманство» по Духовному регламенту, указам от 14 апреля 1737 г., 26 ноября 1739 г., проектом Уложения 1754 г. предполагалось «по важности их вины и обманства чинить наказание кнутом или плетью» (ПСЗРИ, №7959; Проекты..., 1882: 72).

Священники должны были следить, своевременно доносить и по возможности пресекать различные проявления язычества среди новокрещеных. В основном обращенные в православие «инородцы» замечались в «ворожбе», поклонении идолам («шайтанам»). Особое внимание уделялось сожителству без венчания и двоеженству. Так, по донесению ясажных сборщиков Ивана Макушина «с товарищи» в лумпокольских волостях «двоеженцов новокрещеных остяков Семена Пилина сына родного а имяни и де не знают да Ивана Сенкина которые де поженились от живых жен повенчаны тех Лунпокольских волостях Христорожественской церкви попом Петром...». Воевода 12 марта 1741 г. приказал разобраться в этом деле и если обвинение подтвердится, то «других жен» отдать родителям, «чтобы не могли иметь с теми беззаконными женами сожития и оным остяком велеть жить со своими женами законно и в том их запоручить...» (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3 об.).

В отличие от мусульман «инородцы» Тобольского Севера, как правило, не упорствовали в своих «заблуждениях» и готовы были признать вину, отказаться от деяний, в которых их изобличали. Собственно говоря, языческое мировоззрение в данном отношении отличалось гибкостью, склонностью к подобного рода компромиссам.

В 1746 г. митрополитом Антонием (Нарожницким) было получено донесение от градосургутского духовного правления, что, по сведениям священника Верхне-Лумпокольской церкви Гавриила Кайдалова, в его приходе объявились «волхвы, которые де по древнему своему суеверию явно волхвуют»: предсказывают, сколько кому жить и кто скоро умрет, о промыслах, кто сколько добудет, «от сего де получают себе великие прибитки», а некоторые «учинят разврат от веры православной» и имеют по две жены, а сам «он, священник Кайдалов, многократно всячески увещевал и от волхования запрещал, тако ж и оным беззаконникам, которые имеют у себя по две жены, чтобы они такого беззаконства лишились и впредь творить не дерзали. И о сем де остяки ево священника не слушают и чинят по своему изволению» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-1 об.).

Против «заблудших» были приняты самые жесткие меры. К расследованию привлекаются светские власти. Митрополит отсылает промеморию в Сибирскую губернскую канцелярию, потребовавшую от Сургутского воеводы «секретнейшим образом сыскав и заковав волхвов в ручные и ножные, а остяка Мурасова и беззаконных женок в ножные крепкие кандалы под крепким и секретным караулом порознь прислать в сибирскую губернскую канцелярию в самой крайней скорости» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 7).

Вскоре арестованные прибыли в Тобольск: три «волшебника», две женщины, отец одной из женщин и еще несколько проходивших по делу остяков. В ходе дознания выяснилось, что все они были крещены еще в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. схимонахом Феодором (Филофеем Лещинским) или приходским священником. Ни один из допрашиваемых не упорствовал в своих «заблуждениях», готов был раскаяться и отказаться от «ворожбы» или двоеженства. Само пребывание вдали от привычной обстановки и в весьма тяжелых тюремных условиях не могло не сказаться на арестованных. В процессе следствия одна из женщин и четверо мужчин умерли. Оставшимся присудили отправить обратно в Сургут, где «при собрании протчих остяков наказать кнутом без всякой пощады» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 107). Решением Тобольской духовной консистории от 20 июля 1747 г. женок «по учинении им в консистории... жестокого плетью наказания от остяков Кычаги и Мурасова отлучить и отпустить при пашепортах в город Сургут, а сургутскому закащику послать указ, коим велеть ему оных женок выдать в замужество в отдаленные от прежних их жилищ места за остяков же...» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 27-27 об.). Кроме того, была послана целая военная экспедиция в составе двух солдат и десяти казаков с целью найти и сжечь «шайтана», находящегося, по словам подследственных, где-то на реке Кыйс-Еган.

Подобного рода дел в 1740-х – 1750-х гг. встречалось множество (Подробнее, см: [Огрызко, 1941](#); [Миненко, 2000](#)). Например, только в январе–сентябре 1751 г. более 500 новокрещеных признались, что держат у себя «шайтанов». Выявленных идолопоклонников приговорили к церковной епитимье. В середине 1740-х г. двух остяков Нагаркарского и Шоркальского городков приговорили к битью «плетьюми нещадно» и отправке в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «в тяжкие вечные монастырские труды». В 1758 г. 17 остяков Казымской волости приговорены Березовским духовным правлением к епитимье за поклонение «диаволу» в образе найденной ими на берегу реки сабли ([Миненко, 2000: 233, 236, 237](#)).

В целом же для искоренения «пережитков» язычества применялись следующие наказания: 1) битие кнутом или плетьюми; 2) ссылка в Кондинский монастырь; 3) наложение епитимьи (изучить молитвы, ежедневно класть определенное число поклонов в церкви и т.п.).

Отмечен случай использования и такой крайней меры, как сожжение на костре. К этому виду казни был приговорен в 1757 г. казымский шаман князец айвасидских ненцев Енора Пучиндин ([Миненко, 1975: 280](#)).

Со времен Екатерины II религиозная политика в отношении новокрещеного населения существенно смягчается. «Наказ» императрицы говорил о недопустимости давления на иноверцев для их обращения в христианство. Осуждалась практика вознаграждения за принятие крещения (ПСЗРИ, №12949). На «заблудших» следовало воздействовать исключительно мерами пастырского увещевания, не прибегая к принуждению. В 1764 г. вводятся должности проповедников, которые должны были назначаться из числа «ученых людей» и утверждать в вере крестившихся. Основной импульс в этом отношении шел не от церкви, а от светской власти, с одной стороны, руководствовавшейся все более популярными гуманистическими принципами, с другой – опасавшейся затруднений со сбором ясака. Уже в работе В.Ф. Зуева начала 1770-х гг. об идолопоклонстве остяков говорится как о «дурачестве», которое описывается с иронией. Этот народ якобы «по своему малому... пужлив». Приводятся примеры, когда объектами поклонения служили коробки, ящики «и прочие мелочи». «Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал», – замечает исследователь ([Зуев, 1947: 48-49](#)). Соответственно такие невежественные люди заслуживают жалости и снисхождения, а никак не жестокого наказания.

В июле 1773 г. на имя преосвященного Тобольского и Сибирского Варлаама (Петрова) поступила жалоба остяков Куноватской волости, что местный священник с дьячком якобы «ездят по волости, умерших разрывают, платье с них снимают, а их нагих оставляют» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 2](#)). Случай оказался экстраординарным, т.к. причт обвинялся в невиданном ранее кощунстве. В Тобольск вызвали дьячка Куноватского прихода, который на следствии показал, что он со священником узнал от крещеной остячки Марии об обычае некоторых ее соплеменников хоронить вместе с покойниками большое количество различного имущества. Найдя одно из таких захоронений, они его раскопали, откуда извлекли «по идолопоклонническому обычаю... платье и протчаго немало..., умершаго тело положено в лотке на оленьей шкуре и в головах подушка ровдужная, а на теле оболочена заячья шуба и сверх оной краснова сукна зипун, подпоясан ремнем ровдужным, на поясе в ножнах ножик, на голове шапка, и лицо покрыто платом шолковым...» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 5](#)). Кроме того, в могиле находились две малицы, котел, топор, пимы, оленья упряжь, лук со стрелами, лыжи, часть хлеба, сало оленье в чашке, табаку 20 листов, рожок с табаком, огнивица с огнивом и мн. др. Тело и одежду на умершем не тронули, но все прочее члены причта забрали. При расспросе отец умершего показал, что он сам все положил в могилу «по прежнему идолопоклонническому обычаю из жалости, смотря на прочую свою братию той же волости ясашных остяков» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 7](#)).

Казалось бы, вина налицо. Дважды десятилетиями ранее остяку могло грозить суровое наказание. Однако в этот раз все обошлось без последствий. Резолюция архипастыря не касалась «инородца», а требовала лишь извлеченные из могилы платье и прочее имущество, которое при мертвом теле «вредным воздухом заразилось», сжечь, а со священника и дьячка взять подписку, что они, даже если будут поступать подобные доносы, «умерших из могил ни под каким видом не разрывали и платья не обирали» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 9 об.](#)). Документы были пересланы губернатору Д.И. Чичерину, который обещал обеспечить «крепкое смотрение» за ясашными, чтобы те в могилы ничего лишнего не клали ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 13](#)).

Еще один случай произошел около села Нижне-Лумпокольского в 1810 году. Брат местного священника сургутский мещанин Николай Кайдалов обнаружил место «идолослужения» с прикладами, развешанными на дереве. В ходе следствия один из допрошенных остяков показал, что он слышал, что якобы в Тром-Юганской волости умерла женщина, которая вскоре ожила и сказала «обвести все волости, дабы делали по старому их остяцкому обыкновению... из имения к деревьям, а буде сего не сделают, то не будет щастия в звериных рыбных и протчих промыслах» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 15](#)), а также их сожгут небесным огнем. Слух об этом разнесся среди местных ясашных, решивших выполнить требование «покойной». Привлеченные по данному делу остяки на вопрос, почему же они не попросили своего священника, чтобы он «сделал об оном от них Богу христианское молебствие», ответили, что были тогда «в безумстве», а также заявили: «Российскою и святую

церковь, в которую крещены, твердо сохраним и впредь в ней непоколебимо остаемся и отныне более идолослужения чинить отнюдь не будем» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 17-17 об.). Аналогичные обязательства затем собрали с глав семей всех окрестных волостей.

Примечательна резолюция архипастыря на этом деле от 23 сентября 1810 г. «Совращение к первобытному заблуждению ясаших Бог взыщет на священнике, который, видно, не прилагает попечения в наставлении их и других прихожан своих в догматах христианской веры. Ему бы надлежало, узнав о сем их действии, тотчас отправиться к ним и своими пастырскими советами и наставлениями произвести в них раскаяние и на единого Бога в своих делах упование; но наемник яко наемник есть и нерадив о овцах, по сему случаю предписать как Сургутским, так и Березовским священникам, но дабы они непременно исполняли долг свой под опасением и здесь и в вечности истязания» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 2).

Таким образом, в соблюдении остояками языческих обрядов оказываются виноваты сами священники. Чем далее, тем более снисходительны были к проступкам «инородцев» в делах веры духовные и светские власти. Под влиянием идей просвещения изменился сам подход к пониманию того, что есть языческие «пережитки». Теперь это не «поклонение дьяволу», а заблуждение, следствие невежества «темных» аборигенов.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. ввел для коренных жителей Сибири свободу вероисповедания и богослужения, что привело к дальнейшему сужению мер административного воздействия на тех, кто придерживался языческих обычаев. «Устав» при обращении в православие предписывал духовенству «поступать по правилам кротким, одними убеждениями, без малейших принуждений». Тех же, кто уже принял христианство, запрещалось подвергать каким-либо взысканиям, «если они... окажутся в упущении церковных обрядов. Внушения и убеждения суть одни приличные в сем случае меры» (Сословно-правовое..., 1999: 104). Это в какой-то степени способствовало консервации языческих верований в отдаленных от центров приходов юртах, среди слабо контактировавших с русскими коренных жителей.

Заметно изменение позиции местной знати по отношению к миссионерам и духовенству в целом. Если в середине XVIII в. за противодействие в поисках «шайтана» князца Ивана Пирчина было приказано держать в Сургутской воеводской канцелярии «скована под крепким арестом», а затем «наказать жестоко кнутом» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 108), то менее чем через сто лет Обдорский князь Матвей Тайшин открыто мешал крещению своих соплеменников, встречая лишь робкие возражения миссионеров (Записки..., 1866). В этот период идеи христианизации коренного населения Сибири вызвали противоречивую реакцию светской власти. Губернатор опасался волнений «инородцев», осложненных с выплатой ясака, поэтому вмешательство в их внутренние дела воспринималось как покушение на привычный миропорядок, сложившийся в предшествующие десятилетия status quo.

Играла роль и гуманизация системы правосудия, не прибегавшего к допросам «с пристрастием» и требовавшего четких и безусловных доказательств в случае обвинения в идолопоклонстве. Характерный случай произошел в 1850-х гг. По распоряжению священника самаровской Покровской церкви местными русскими крестьянами в марте 1854 г. был задержан и препровожден в волостное правление житель с. Нахрачи вогул И.Г. Ишеняков, как якобы «жрец идольский» языческого бога Анаурта, собиравший приклады и приношения со своих соплеменников во время ежегодных поездок по Конде, низовьям Иртыша и средней Оби. В своем рапорте священник сообщал, что арестованный и его помощник Пакин «проезжают, отклоняя остояков от православия, посеявая плевелы, противные вере христианской, и поддерживая и усиливая идолопоклонство» (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 7). Несколькою годами ранее настоятель нахрачинской Троицкой церкви лично наблюдал за языческим жертвоприношением («закланием тельца» и употреблением жертвенной крови, смешанной с брагой) при непосредственном участии И.Г. Ишенякова (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 142). Проблема была в том, что сам И.Г. Ишеняков не сознался в инкриминируемом ему преступлении, а все доказательства его вины носили косвенный характер: показания крестьян; наличие у арестованного большого числа разнородных и разноцветных кусков ткани, которые не могли использоваться для изготовления одежды, а скорее всего, являлись собранными у «инородцев» подношениями идола. Проведенное расследование не нашло убедительных доказательств правонарушения языческого «жреца», т.к. по определению Тобольского окружного суда «все эти улики, при непризнании подсудимых, юридического обвинения не составляют» (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 319). И.Г. Ишеняков был «оставлен в подозрении», но никакого наказания не понес.

С середины XIX в. тобольские и сибирские преосвященные неоднократно бывали на Севере Западной Сибири, имея возможность лично оценить религиозность новокрещеных (Подробнее см.: Tsys', 2017). Так, епископ Варлаам (Успенский) в путевом журнале 1866 г. писал, что остояки – это «дети только природы, общественной жизни не знающие и действующие машинально, по указанию русских или священников» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102). Поэтому не следует ожидать и требовать от них многого. Так, при обозрении Юганского прихода выяснилось, что местные «инородцы» исповедуются почти все, но приобщаются Св. Тайн лишь 12-я или 15-я части,

а т.к. они не могут и одной недели провести в посте и воздержании, преосвященный постановил «объявить им пост, хотя бы на три дня» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102 об.).

В Указе его преосвященства от 11 июля 1866 г., последовавшем после обозрения Березовского округа в 1865–1866 гг., содержалось требование «от соблюдения языческих суеверий и обрядов удерживать инородцев всеми способами, сообщая о прекращении их формулярно, и самим старшинам или головам их, а также и князкам там, где они утверждены Правительством» (ГАТ. Ф. И-708. Оп. 1. Д. 3. Л. 510-511). Однако никаких мер воздействия на «заблудших», кроме проповеди Слова Божия, не предусматривалось. Другим указом от 23 ноября 1866 г. предписывалось с помощью полиции отбирать у новокрещеных идолов, если таковые будут обнаружены. Но опять же никакого наказания за это не предполагалось (Церкви..., 2007: 212-213).

О том, как за сто лет изменились методы воздействия на «заблудших», можно понять по случаю, описанному в рапорте ларьякского священника Е.М. Словцова за 1884 год. О «ворожбе», произошедшей в ночь с 30 на 31 мая в юрте за с. Ларьяк Ваховской волости недалеко от ярмарочной площади, настоятель узнал от казака Прохора Кайдалова, видевшего всех участников языческого действа и назвавшего даже главного зачинщика – остяка Кульеганских юрт Алексея Кунина. Приглашенный и опрошенный через переводчика А.В. Кунина не отрицал своей «вины». Священнику ничего не оставалось, как урезонивать своего собеседника, а также сетовать на то, что П. Кайдалов не разбудил его в ночь ворожбы и не заявил об этом происшествии вовремя (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 90-93 об.). Никаких других способов, кроме «увещевания заблудшего», у Е.М. Словцова не имелось.

5. Заключение

Таким образом, в политике государства и РПЦ в отношении борьбы с языческими «пережитками» коренного населения Тобольского Севера можно выделить несколько основных этапов.

1. Время с начала христианизации до первых лет правления Екатерины II (1710-е – 1760-е гг.) отмечается жестким давлением на новокрещеных с целью полного искоренения всех проявлений язычества.

2. Период «просвещенного абсолютизма» и до принятия «Устава о правлении инородцев» (1770-е – 1822 гг.) характеризуется постепенным смягчением государственной политики в отношении новообращенных.

3. С начала действия положений «Устава» происходит полный отказ от каких-либо форм дискриминации и преследования за языческие «пережитки», наблюдается стремление воздействовать на «заблудших» исключительно убеждением, не допускать насилия по отношению к «инородцам».

Общая эволюция политики государства и Русской православной церкви в борьбе с идолопоклонством заключалась в постепенном смягчении как законодательных норм, так и их правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещеных. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию. Многие представители церкви, прежде всего миссионеры и приходские священники, были не согласны с подобного рода ограничениями, связывавшими им руки в деле христианизации. Тем не менее, даже в период гонений на язычников власть старалась избегать крайних мер, возможных по действующему законодательству. В конечном счете в распоряжении причтов и миссионеров к концу рассматриваемого периода остались только меры пастырского увещевания, используя которые они иногда вынуждены были идти на уступки против правил, лишь бы не допустить отпадения прихожан от церкви.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002 р_а.

Литература

Аблажей, 2010 – Аблажей А.М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII – начале XX веков: опыт теоретического комментирования // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 65-70.

Абрамов, 1851 – Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1851. №12. С. 1-22.

Базанов, 1936 – Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л.: Ин-т народов севера им. П.Г. Смиловича Главсевморпути при СНК СССР, 1936. 134 с.

Буцинский, 1893 – Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Тип. губ. правления, 1893. 93 с.

Главацкая, 2005 – Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: Изд. «РА АРТмедиа», 2005. 360 с.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Записки..., 1866 – Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его 1832 года / Сост. Н.А. Абрамов // *Странник*. 1866. №8. С. 11–24.

Зуев, 1947 – *Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М., Л.: Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 96 с.

Миненко, 1975 – *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Миненко, 2000 – *Миненко Н.А.* Судьба православия на Обском севере (XVIII – начало XX веков) // *Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев.* Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. С. 209–259.

Новицкий, 1941 – *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком 1715 / Предисл. П.Н. Скороспеловой. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. 106 с.

Огрызко, 1941 – *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. 148 с.

Перевалова, 2000 – *Перевалова Е.В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // *Древности Ямала. Вып. 1.* Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 152–190.

ПСЗР – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).

Проекты..., 1882 – Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов новоуложенной книги, часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / Под ред. А.А. Востокова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1882. 208 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сословно-правовое..., 1999 – Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX веков): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во Ин-та пробл. освоения Севера СО РАН, 1999. 237 с.

Сулоцкий, 2000 – *Сулоцкий А.И.* Миссионерства Березовского края – Обдорская, Кондинская и в особенности Сургутская // *Сочинения. В 3 т. Тюмень: Мандр и Ка, 2000. Т. 2. С. 789–801.*

Темплинг, 2004 – *Темплинг В.Я.* «Я не находил лучшего для себя мира, какой я чувствовал в кочевьях суровых детей суровой тайги» // *Из истории Обдорской миссии: Источники.* Тюмень: Мандр и Ка, 2004. С. 10–30.

Церкви..., 2007 – *Церкви Обдорска: летопись в документах / Ред.-сост. В.Я. Темплинг.* Тюмень: Б. и., 2007. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. 304 с.

Tsys', 2017 – *Tsys' O.P.* Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. P. 478–486.

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

References

Ablazhei, 2010 – *Ablazhei A.M.* (2010). Khristianizatsiia korennykh narodov Sibiri v XVIII – nachale XX veka: opyt teoreticheskogo kommentirovaniia [Christianization of the Indigenous Peoples of Siberia in the XVIII – early XX Century: The Experience of Theoretical Commenting]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*. Vol. 8. Vyp. 2. pp. 65–70. [in Russian]

Abramov, 1851 – *Abramov N.A.* (1851). O vvedenii khristianstva u berezovskikh ostiakov [On the introduction of Christianity in Ozyakov Berezovsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. № 12, pp. 1–22. [in Russian]

Bazanov, 1936 – *Bazanov A.G.* (1936). Ocherki po istorii missionerskikh shkol na Krainem Severe [Essays on the history of missionary schools in the Far North]. Leningrad: In-t narodov severa im. P.G. Smidovicha Glavsevmorputi pri SNK SSSR. 134 p. [in Russian]

Butsinskii, 1893 – *Butsinskii P.N.* (1893). Kreshchenie ostiakov i vogulov pri Petre Velikom [Christening of ostyaks and voguls under Peter the Great]. Khar'kov: tip. gub. pravleniia. 93 p. [in Russian]

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press. 507 p.

ГАТ – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].

Glavatskaya, 2005 – *Glavatskaya E.M.* (2005). Religioznye traditsii khantov XVII – XX vv. [Khanty religious traditions in XVII – XX centuries]. Ekaterinburg; Salekhard: izd. «RA ARTmedia». 360 p. [in Russian]

Minenko, 1975 – *Minenko N.A.* (1975). Severo-Zapadnaia Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk [North-Western Siberia in the XVIII – first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka. 308 p. [in Russian]

Minenko, 2000 – *Minenko N.A.* (2000). Sud'ba pravoslaviia na Obskom seвере (XVIII – nachalo XX veka) [The fate of Orthodoxy in the Ob North (XVIII – early XX century)]. *Ocherki istorii Iugry*. Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург: Изд-во «Волот». pp. 209–259. [in Russian]

- Novitskii, 1941** – *Novitskii G.* (1941). *Kratkoe opisaniye o narode ostiatskom 1715* [A brief description of the people of Ostyak 1715]. Predisl. P.N. Skorospelovoi. Novosibirsk: Novosibgiz. 106 p. [in Russian]
- Ogryzko, 1941** – *Ogryzko I.I.* (1941). *Khristianizatsiia narodov Tobol'skogo Severa v XVIII v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the XVIII century]. Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otделение. 148 p. [in Russian]
- Perevalova, 2000** – *Perevalova E.V.* (2000). *Obdorskii kniaz'ia Taishiny (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Obdorsk princes Taishin (historical and ethnographic essay)]. *Drevnosti Iamala*. Dep. 1. Ekaterinburg-Salekhard: UrO RAN. pp. 152–190. [in Russian]
- Proekty..., 1882** – *Proekty ugolovnogo ulozheniia 1754–1766 godov novoulozhennoi knigi chast' vtoraiia: o rozysknykh delakh i kakie za raznye zlodeistva i prestupleniia kazni, nakazaniia i shtrafy polozheny* [The drafts of the criminal code of 1754–1766 of the newly laid-out book, part two: on investigative cases and what kind of punishment and crime for various villainy and crimes, punishments and fines]. Pod red. A.A. Vostokova. Sankt-Peterburg: tipografiia M.M. Stasiulevicha. 1882. 208 p. [in Russian]
- PSZRI** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI). 1. Vol. IX. No 6693. [in Russian]
- RGADA** – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts].
- Soslovno-pravovoe..., 1999** – *Soslovno-pravovoe polozheniye i administrativnoye ustroystvo korennykh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo KhKh veka): Sb. pravovykh aktov i dokumentov* [Legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (late XVI – early XX century): Collection of legal acts and documents]. Red.-sost. A. Iu. Konev. Tiumen': Izd-vo In-ta probl. osvoeniia Severa SO RAN, 1999. 237 p. [in Russian]
- Sulotskii, 2000** – *Sulotskii A.I.* (2000). *Missionerstva Berezovskogo kraia – Obdorskaya, Kondinskaya i v osobennosti Surgut'skaya* [Missions of the Berezovsky Territory – Obdorskaya, Kondinskaya and especially Surgut]. *Sochineniia*. V 3 tt. Tiumen': Mandr i Ka. Vol. 2. pp. 789–801. [in Russian]
- Templing, 2004** – *Templing V.Ia.* (2004). «*Ia ne nakhodil luchshego dlia sebia mira, kakoi ia chuvstvoval v kochev'iakh surovyykh detei surovoy taigi*» [I didn't find a better world for myself, as I felt in the nomadic harsh children of the harsh taiga]. *Iz istorii Obdorskoii missii: Istochniki*. Tiumen': Mandr i Ka. pp. 10–30. [in Russian]
- Tserkvi..., 2007** – *Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh* [Churches of Obdorsk: the annals in documents]. Red.-sost. V.Ya. Templing. Tyumen'. 2007. Vol. II: *Petropavlovskaya tserkov' (1824–1894)*. Dep. I. 304 p. [in Russian]
- Tsys', 2017** – *Tsys' O.P.* (2017). *Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries*. *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 478–486.
- Zapiski..., 1866** – *Zapiski nakhodivshikhsia v Berezovskom okruge Tobol'skoi epar-khii dlia obrashcheniia inovertsev k khristianstvu ieromonakha Makariia i pomoshchnikov ego 1832 goda* [Notes of the Tobolsk diocese in the Berezovsky district for the conversion of foreigners to Christianity by hieromonk Makarii and his assistants in 1832]. Sost. N.A. Abramov. Strannik. 1866. No 8. pp. 11–24. [in Russian]
- Zuev, 1947** – *Zuev V.F.* (1947). *Materialy po etnografii Sibiri XVIII veka (1771–1772)* [Materials on the ethnography of Siberia of the XVIII century (1771–1772)]. Moscow, Leningrad: izd-vo i 1-ia tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 96 p. [in Russian]

Борьба Русской православной церкви и светской власти с языческими «пережитками» народов Тобольского Севера в XVIII–XIX вв.

Валерий Валентинович Цысь ^{a, *}, Ольга Петровна Цысь ^a

^a Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются методы борьбы Русской православной церкви и светской власти с «пережитками» язычества у подвергшегося христианизации коренного населения Тобольского Севера, их эволюция на протяжении XVIII–XIX вв. Указывается, что в 1710-е – 1760-е гг. используется жесткое давление на новокрещеных с целью полного искоренения всех проявлений идолопоклонства. Этому способствовало действующее законодательство и практика его правоприменения. Для искоренения языческих «пережитков» применялись следующие наказания: битье кнутом или плетью; ссылка в Кондинский монастырь; наложение епитимьи (изучить молитвы, ежедневно класть определенное число поклонов в церкви и т.п.). Период «просвещенного абсолютизма» и первая четверть XIX в. (1770-е – 1822 гг.) характеризуются постепенным смягчением государственной политики в отношении новообращенных. Изменился подход к пониманию того, что есть языческие «пережитки». Теперь это не «поклонение дьяволу», а заблуждение, следствие

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsysv@rambler.ru (В.В. Цысь)

невежества «инородцев». В дальнейшем происходит полный отказ от каких-либо форм дискриминации и преследования за языческие «суеверия», стремление воздействовать на «заблудших» исключительно убеждением, недопущение насилия. В распоряжении православных причтов и миссионеров к концу рассматриваемого периода остались только меры пастырского увещания. Общая эволюция политики государства и Русской православной церкви в борьбе с идолопоклонством заключалась в постепенном смягчении правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещеных. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию.

Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархии, миссионерство, Тобольский Север, духовенство, язычество, идолопоклонство, новокрещеные, коренные народы.